

НАЧАЛО УЧИТЕЛЬСТВА

Исполнилось 120 лет со дня рождения Н. Ф. Катанова

Хорошо знавшие при жизни первого хакасского ученого и работавшие вместе с ним свидетелями: «Николай Федорович вел свое преподавание живо и образно. Он положительно жил на своих лекциях, передавал своим слушателям то, что сам лично продумал, пережил и прочувствовал, особенно во время своих многочисленных командировок и путешествий. Свои знания Николай Федорович умело применял в своих лекциях и часто сухую материю своего предмета передавал в живой, занимательной, но вместе с тем в серьезной форме. Студенты... с удовольствием и даже увлечением слушали лекции Николая Федоровича». (И. Покровский. Казань, 1923 г.).

А С ЧЕГО все началось? Где истоки учительства профессора Казанского университета и Казанской духовной академии? Чтобы ответить на этот вопрос, приведу полностью один документ, который до сего времени не был опубликован и найден мной в Госархиве Хакасской автономной области (ф. 2, оп. 1, д. 1041). Вот его полный текст.

«1874 года 12-го дня июля мы, нижеподписавшиеся Енисейской губернии, Минусинского округа, ведомства Степной думы соединенных разнородных племен, сагайского рода 2-й половины, дали сей увольнительный приговор инородческому сыну одного с нами рода Николаю Федорову Катанову в том, что вследствие предложенной просьбы об увольнении его из числа нашего инородческого звания для поступления в учительскую семинарию или куда он пожелает, мы, признавая желание его полезным, с общего нашего согласия приговорили: уволить его, Катанова, из инородческого звания, предоставив ему поступить, куда пожелает, в учебное заведение, в том однако ж впоследствии объяван присказать себе род жизни; в том подписуемся:

Подлинном подписались к сему приговору лично просьбою неграмотных инородцев Филиппа Курчкова, Никиты Курчкова, Венедикта Курчкова, Чачкона Чертыкова, Прокопия и Василия Борисовых - Урыбинных, Александра и Петра Орешковых, Ильи Урыбина, Архипа Чертыкова и за себя руку приложил Иван Орешков».

Из документа ясно, что сородичи отчетливо осознавали полезность желания инородческого сына стать учителем. Ради этого они увольняли его из своего сословия, тем самым принимая на себя все выпадавшие на уволенного повинности: казенные подати, думные поборы, подушные раскладки и другие расходы. Таким образом, их сородич был свободным перед государственной властью и своим обществом.

Со временем можно будет более подробно рассказать о родичах, проявивших щедрость к Николаю Федоровичу Катанову, который оправдал их надежды. Но уже сейчас можно отметить, что это были не темные и забытые люди, а стоявшие

на достаточной высоте своего развития по тому времени. Это ведь те самые, наши предки, которые вопреки всяким препятствиям со стороны властей открыли в Аскизе на свои средства начальную (одноклассную) школу в 1869 году, где и учился Николай Катанов.

Из увольнительного приговора явствует и другое. В 12 лет будущий выдающийся ученый твердо решил посвятить себя учительству, коли намеревался поступить в учительскую семинарию. Он рос в семье, в которой с уважением относились к грамотности. Его дед Семен Алексеевич одно время служил в Степной (Аскизской) думе, и несмотря ни на что, сыскал возможности для учебы сыновей — Федора, улусного писаря, и Ефима, ставшего первым учителем из коренных жителей.

Семья Николая Федоровича, вопреки утверждению некоторых биографов, не была и среди отсталых и закостенелых полукочевников (С. Иванов, Ленинград, 1962 г.). Из нее вышел первый сагайский миссионер-просветитель старший Николай Федорович, брат ученого. Училась в Минусинской женской гимназии сестра Мария Федоровна. Затем учительствовали племянники Василий, Иван и Александр.

В биографической литературе односторонне очерчен аскизский учитель Ефим Семенович Катанов как взяточник, бай и развратник (Н. Доможаков, Абакан, 1958 г.). А ведь он многое сделал для школы, для своего племянника - сироты, поощрял его, содействовал поступлению в Минусинскую женскую гимназию своей воспитанницы Александры Ивановны Тихоновой — будущей жены казанского профессора. О нем вспоминал в своей биографии Н. Ф. Катанов: «Учителем был мой дядя...» (С. Венгеров, Петербург, 1904 г.).

САМА СРЕДА, в которой жил подросток Николай Катанов, прививала ему уважение к учительству, его нужности и полезности для широких слоев населения. Это чувство усилилось при близком общении с управляющим (резидентом) Аскизской золотопромышленной базы Иннокентием Ивановичем Каратановым, человеком широкой и богатой натурой,

отцом будущего сибирского художника Дмитрия Каратанова.

Иннокентий Иванович имел богатую библиотеку, в том числе сибирских исследователей, куда был свободный вход способному и жадному до знаний «татарчонку». Он частенько звал пареня к себе, рассказывал ему, как много интересного материала имеется в местном народе, как богато его устное творчество и быт. Он первый помог подростку взглянуть шире на родину в историческом плане. Так в отроческие годы зародилось в Николае Катанове желание «отдать силы изучению своего народа» (И. Барашков-Эпчелей, Абакан, 1958 г.). Кстати, сам ученый называл Иннокентия Ивановича своим первым учителем и сожалел, что не написал о нем специальную статью.

Устремления молодого Николая Катанова поддерживал и хозяин Аскизской «резиденции» золотопромышленник Петр Иванович Кузнецов, ратовавший за народное образование. К примеру, он подарил Аскизской школе свой дом и часть библиотеки.

Вот примерно то, что определило для аскизского сагайского сына выбор учебного заведения — учительской семинарии. И он уехал бы туда по увольнительному приговору своих соплеменников, если бы не скончался в том же году отец. Лишившись средств к существованию, по его же заявлению, «поступил в попечение своего дяди учителя... днем учился, а вечером занимался письмоводством в думе...».

Так прошло еще два года. «Летом жил в родном улусе Тураков (ныне Катанов), где по-прежнему пас телят и овец», как записано в автобиографии. Но мысль о продолжении учения не покидала его. Теперь Николай Катанов уже готовился для поступления в Красноярскую гимназию. И поступил в нее не без содействия тех же покровителей Иннокентия Ивановича Каратанова и Петра Ивановича Кузнецова. Ведь был-то он незаконнорожденным, да еще инородцем, а к таким не очень-то снисходило гимназическое начальство.

Гимназиста поначалу материально поддерживали родственники, но вскоре богатый дядя Ефим Семенович был сослан в Якутию и по дороге погиб. Началось бедство. Видя такое положение способного Николая Катанова, учитель русского языка Андрей Васильевич Спасис-Тисовский в феврале 1878 го-

да выхлопотал ему первое пособие в размере 25 рублей. Затем выдаются 27 рублей «в прогонны от Красноярска до Минусинска». (Госархив Красноярского края, ф. 348, оп. 1, д. 19).

В том же архиве мною обнаружен интересный документ. В нем говорится, что 9 марта 1879 года учителю Каптыревской школы Катанову выдано в прогонны 6 рублей 30 копеек. Что-то подробное об этом пока трудно сказать: нужны дополнительные поиски. В то время он учился в третьем классе. Занимался на «отлично». По окончании ему был выдан похвальный лист «За отличное поведение, прилежание и успехи» (Архив Хакасского краеведческого музея). Так что такого гимназиста семнадцати лет могли по нужде отправить временно учителем в начальную школу.

К ТОМУ времени в учебном заведении укрепилось мнение об учительских способностях Николая Катанова. Вот тому свидетельства. В начале 1881 года в Красноярск переехала семья золотопромышленника Арсения Ивановича Емельянова. В женской гимназии стали учиться его дочери Вера и Мария. В апреле в городе случился невиданный пожар. И далее Вера Арсеньевна, ставшая женой другого золотопромышленника Алексея Федоровича Баландина, рассказывает: «Влагодаря пожару, всех учащихся без экзаменов перевели во второй класс. Было трудно «догонять», но я все же справилась по всем предметам одна. Только из французского мне наша учительница, барыня, толстая блондинка, как-то закатила по диктанту «нуль», и тогда папа пригласил ко мне заниматься французским языком Николая Катанова, гимназиста старших классов из минусинских татар, которого... видел в Казани в качестве профессора восточных языков» («Енисей», 1989 г., № 1).

Вряд ли учитель французского языка был заурядным. Его бы так хорошо не вспоминала под конец жизни образованнейшая «сибирская бестужевка» открывшая на голом месте Черногогорские копи. Она начала строить Ачинско-Минусинскую железную дорогу, а при Советской власти была научным работником ряда высших учебных заведений.

А вот еще пример учительства Николая Катанова — Красноярского гимназиста. Во второй половине 1882 года в Кра-

сноярской гимназии в первом классе учился будущий сибирский художник Дмитрий Каратанов, сын уже упомянутого аскизского «резидента», который благоволил к «татарчонку» Коле Катанову. Тогда ему было восемь лет. Как видно из учебного журнала, занимался он две четверти по всем предметам на «двойки» (Госархив Красноярского края, ф. 348, оп. 1, д. 23). После нового года отец увез его в Аскиз...

Летом 1883 года Николай Катанов, как всегда, приехал на родину: уже тогда он вел исследование по фольклору и быту своих земляков. Иннокентий Иванович Каратанов нарядил его быть домашним учителем для своего сына. В своих воспоминаниях художник тепло отзывается о занятиях по русскому языку и арифметике с Николаем Федоровичем. Учеба проходила непринужденно, подружески, с интересными переживаниями, когда уоегали в поле «искать где-нибудь медные наконечники от стрел и всякую «историческую мелочь» на местах воображаемых сражений сагайского народа с войсками Чингис-хана» (Г. Ряннель, Красноярск, 1948 г.).

Вот еще одно воспоминание. 17 августа 1883 года Дмитрий Александрович Клеменц, ставший известным ученым и общественным деятелем, во время своего путешествия по нынешней Хакасии остановился в Аскизе. «Мне нужен был переводчик, и я хотел просить учителя Аскизского инородческого училища Николая Федоровича Катанова помочь мне в моих занятиях. Попытка привлечь господина Катанова к занятиям оказалась неудачно. Несмотря на полную готовность помочь мне, ...был занят по горло, кроме того, уже оканчивались летние каникулы, и ему нельзя было отлучаться из села» (Д. Клеменц, Омск, 1890 г.).

Вот так путешественник принял гимназиста за настоящего учителя местной школы, с которым затем заведет дружбу и сотрудничество.

ПЕРВОЕ учительство не мешало в учении гимназисту Николаю Катанову. Следует добавить, что одновременно он занимался фольклорными записями, составляя первую сагайскую грамматику и даже переводил молитвы для епископа Енисейского и Красноярского Исаакия. Можно только удивляться, как успевал он все это делать и на такой большой объем работ находил время.

Гимназию уроженец Аскизской думы окончил с золотой медалью. В его аттестате зрелости отмечено: «...исправности в посещениях и приговорении уроков, а также в исполнении письменных работ были образцовыми, прилежание было приличное и любознательность одинаково отличным по всем предметам гимназического курса... К достоинству учительского звания препятствий не встречается» (Госархив Ленинградской области, ф. 14, оп. 3, д. 24321).

Итак, Николай Федорович официально в 1884 году стал учителем и мог бы преподавать в любой школе и семинарии. Тогда ему было 22 года. Судьба, как говорится, ему улыбалась. Но он избрал тернистый путь к вершинам науки — решил продолжить свое образование в Петербургском университете. Без всякой материальной поддержки, надеясь на мизерную стипендию и приработки на стороне.

Снова выходя из инородцев стали помогать домашние уроки. Дочь профессора Анна Николаевна Катанова рассказывает:

«Его ученица, Настя Рубец, сохранила на всю жизнь глубокое уважение и теплые чувства к своему учителю детских лет, всегда с ним переписывалась. Свое последнее, по-видимому, предсмертное письмо, оказавшись в тяжелых жизненных условиях, она опять-таки направила ему. Письмо это, насколько помню, уже не застало Николая Федоровича в живых... (А. Н. Катанова, Абакан, 1958 г.).

Учительские способности и звания студента Николая Катанова были по достоинству оценены и в Петербургском университете. В сентябре 1887 года, будучи на четвертом курсе, он писал в Минусинск Николаю Михайловичу Мартынову, что вошел во вкус и прельстился восточных языков. «Теперь уже начал вкушать плоды изучения их. Даю уроки арабского языка по 2 рубля за час и печатаю статейки на восточных языках». (Архив Минусинского музея, оп. 1, д. 74).

Вот такой трудной дорогой шел первый хакасский ученый к вершинам учительского звания, истоки которого, несомненно, в родном крае, любовно им называемом дорогим и милым.

А. БОНДАРЕВ,
краевед, ветеран
войны и труда.

с. Аскиз.